

Совместная работа Русского ПЕН-клуба и петербургского издательства «БЛИЦ» — книжная серия «Русский ПЕН-клуб» — настоящий подарок читателям, тем более при нынешнем дефиците на книжном рынке Петербурга (да и России в целом) настоящей литературы для интеллектуальной, думающей публики. Серия была начата еще в прошлом году двумя работами академика Дмитрия Сергеевича Михалева и продолжена «путевыми заметками» Михаила Кураева, за которые последний совсем недавно получил премию журнала «Новый мир» как за лучшую публикацию года. Все авторы этой серии — настоящие и будущие — в особом представлении не нуждаются.

Несмотря на некоторые финансовые затруднения, ведь выпуск подобных изданий пока отнюдь не прибыльное занятие, книги продолжают выходить регулярно. На сей раз для великого множества поклонников на протяжении вот уже не одного десятка лет, для благодарных читателей и почитателей таланта **ВИКТОРА КОНЕЦКОГО** вышла уже четвертая книжка серии — «Кляксы на старых промокашках».

Н.Г.: — Виктор Викторович, с огромным удовольствием прочитала ваши «Кляксы...». Встреча с вами всегда незабываема для читателя, коим я и являюсь. И уже много лет ваше литературное творчество привлекает к себе внимание разных поколений. Ваши морские рассказы (байки) знают и любят. Но ведь эта книга несколько отличается от всех ваших предыдущих работ. Книга эта вовсе не о море. Кляксы из вашей литературной жизни — так вы сами назвали это произведение. Почему вы решили создать подобный сборник?

В.К.: — Ну, сей момент вы сильно рискуете. Кабы вы были мужиком, то на этом наша беседа закончилась бы...

Скажите, вы смогли бы полюбить мужчину за то, что он хорошо травит байки? Я думаю, только в том случае, если он

КЛЯКСЫ ВИКТОРА КОНЕЦКОГО

Кн. обозрение, — 1997. — 5 абз. — 05

Райкин. Но я не Райкин, увы. И если бы нашелся литературный критик, который набрался смелости определить мои рассказы «байками», то получил бы замшевую перчатку в физиономию, а затем я бы проткнул его офицерским морским кортиком. Где-нибудь в районе Обводного канала (конечно, на честной, джентльменской дуэли). Называть свои писания «байками» разрешается только автору.

А вот в том, что эта книга «несколько отличается» от прежних, вы правы. Но с тем исключением, что состоит она на добрую половину из уже опубликованных вещей. Однако монтаж — и я это повторял много раз — великая штука. И монтаж внутри самой прозы, и монтаж книги, и даже монтаж своих и ворованных мыслей в виртуальной реальности.

Н.Г.: — А как вы сами определяете жанр этого произведения?

В.К.: — «Кляксы на старых промокашках» — это не эссе, не проза в чистом виде, не дневник. Хотя в книге есть и выписки из дневников, и проза. Но еще и старые письма, и старые записи, выписки из судебных журналов, документы из моего личного дела, сорок лет не переиздававшиеся юношеские рассказы.

В общем, один черт знает, каких только клякс и промокашек я туда не насовал.

Н.Г.: — То есть вы хотите сказать, что она обо всем на свете?

В.К.: — Это книга старого человека о старости. Через два месяца мне стукнет 68 лет. И каждое утро, открывая глаза, я вижу на старой штукатурке потолка цифру «68».

Если писатель начинает день с разглядывания цифр своей жизни, он не должен (я в этом абсолютно уверен) писать художественную прозу. Даже если ему ее писать хочется, даже если

он скрежет зубами от обилия в башке ненаписанных гениальных произведений.

Вот, к примеру. Полвека назад воспитанником Военно-морского подготовительного училища готовлюсь идти на свидание. Надраиваю ботинки. Наблюдают мать. Все более и более скептически. В ботинки уже можно смотреть, как в зеркало. А мать наконец говорит: — Виктор, перестань! Их же ворона украдет!

На что мне сегодня эта драгоценность? Куда вставить? И какая обида, что раньше куда-то не вставлял!

Так что книга — о собственной старости. Но автор хочет напомнить сегодняшнему читателю имена замечательных людей, которые не успели или не смогли воплотить себя в литературе, или успели, но уже незаслуженно забыты.

Вот меня, если сегодня и поминуют, то обязательно в числе «шестидесятников», а я себя числю пятидесятником, ибо печатаюсь с середины 50-х годов.

Н.Г.: — Книга как раз и начинается с юных записей, дневников, писем конца 40-х — начала 50-х годов.

В.К.: — Начинается книга с эмбрионального состояния моих писательских амбиций. Затем следуют воспоминания о детских болезнях, то есть левых и правых уклонах в моем творчестве. Юношеский период опускается, ибо я тогда просто валял дурака в жизни и на бумаге.

Н.Г.: — Книга состоит из небольших рассказов-клякс, каждая из которых несет свой неповторимый смысл и обаяние.

В.К.: — Книгу можно читать с конца или с того места, где она открывается. Автор всю сознательную жизнь плавал в морях и травил морские байки. Здесь моря будет чуточку. И пусть простят автора читатели-моряки. Каких-то больших глубин в

луже или кляксе не бывает. Поэтому нырять за философским камнем с риском заболеть кессонной болезнью нужды не будет. Да и какие философские тайны могут обнаружиться в произведении усталого «пятидесятника»? Вода, вода, кругом вода. И ни грана соли.

Н.Г.: — В книге много эпизодов и целых рассказов о ваших встречах с разными литературными знаменитостями в пору их молодости. Повлияли ли каким-нибудь образом на ваше становление как писателя встречи с Валентином Пикулем, Сергеем Довлатовым, Юрием Германом и другими?

В.К.: — Перечисленные вами замечательные (каждый по-своему) писатели никакой роли в моей литературной жизни не сыграли.

А вот в натуральной жизни — каждый мне что-то дал хорошее. И когда меня заносит в церковь, то я молюсь за упокой их душ и сообщаю о своем недалеком уже прибытии в их тепленькую компанию на сковородке.

Н.Г.: — У кого же вы старались учиться?

В.К.: — Когда-то я надеялся, что какую-нибудь роль сыграют Джек Лондон, Голсуорси, Паустовский и, главное, — Антон Павлович. Увы. Из профессиональных маринистов я старался учиться у Конрада, Мелвилла, Пьера Лоти, Пьера Бенуа. Последнего сегодня никто не знает, а это французский писатель, который работал капитаном на спасателе в Бискайском заливе. Мне дал его прочитать Леонид Николаевич Рахманов.

Наши классики-маринисты, начиная со Станюковича и кончая Бадиным, никаких волнений в груди моей не вызвали и вряд ли уже вызовут.

Н.Г.: — В конце книги — следущая фраза: «Пускай это звучит высокопарно, но мое поколение военных подростков были и

есть дети 1941 года: тогда мы научились любить Отечество» (это перифраз М.И.Муравьева-Апостола: «Мы были дети 1812 года»). Думается, что это сомнений ни у кого вызывать не может. Но перед этим вы несколько неожиданно заявляете: «Я верю в нашу молодежь. Нельзя жить, не веря в нее. Я верю, что рано или не слишком уже поздно молодежь оживит все омертвелое, что накопилось за десятилетия в стране и народе». Это действительно так?

В.К.: — Хочется верить. Хотя детей и внуков у меня нет. И возможно, из-за этого я знать не знаю современной молодежи. Но не грущу по этому поводу. Мне вполне достаточно разом взглянуть на кумиров нынешней молодежи: Макаревича и Киркорова, чтобы порадоваться своей безнаследственной старости.

Н.Г.: — И в заключение: издана ваша новая книга в издательстве «БЛИЦ», и, на мой взгляд, издана прекрасно. Серия «Русский ПЕН-клуб» — это редкое и очень удачное сочетание целого ряда превосходных авторов, с одной стороны, и отлично выполненной работы издателей — с другой. А как вы смотрите на это?

В.К.: — Должен отдать должное моему издательству и лично С.В.Цветкову за смелость. Не каждый решится опубликовать кляксы и тусклые отпечатки на старых промокашках.

Хочу и оформителем поблагодарить. Книжка сделана отлично, а вот мой фотопортрет несколько беспокоит: я там такой орел, что, небось, девицы начнут письма писать...

Н.Г.: — Ну, дай вам Бог удачи и попутного ветра...

Наталья ГРОЗДИЛОВА,
руководитель пресс-службы
Санкт-Петербургского
Русского ПЕН-клуба.